

УДК 167

Гузенина Светлана

К ПРОБЛЕМАМ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА ОБРАЗА РОДИНЫ

Статья посвящена проблеме теоретического анализа феномена образа Родины. Автор полагает, что единого коллективного и индивидуального образа Родины не существует, а потому научные исследования его формирования, передачи, трансляции и сакрализации должны быть междисциплинарны. С точки зрения автора интеллектуальная позиция постмодернистов не способна дать ответ на ряд вопросов современности, а отказ от классических научных теорий XX века является преждевременным, как и попытка формирования иной, качественно особой и отличной от материалистической картины мира.

Ключевые слова: образ Родины, теория, школа, научная концепция, XX век.

Гузенина С. До проблем теоретико-методологічного аналізу феномена образу Батьківщини

Стаття присвячена проблемі теоретичного аналізу феномена образу Батьківщини. Автор вважає, що єдиного колективного та індивідуального образу Батьківщини не існує, а наукові дослідження його формування, передачі, трансляції і сакралізації повинні бути міждисциплінарними. З погляду автора, інтелектуальна позиція постмодерністів не може відповісти на низку питань сучасності, а тому відмова від класичних наукових теорій XX століття є передчасною, як і спроба формування іншої, якісно особливої та відмінної від матеріалістичної картини світу.

Ключові слова: образ Батьківщини, теорія, школа, наукова концепція, XX століття.

Guzenina S. To the problems of theoretical and methodological analysis the phenomenon of the image of the Motherland

The article is devoted to the problem of the theoretical analysis of the image of the Motherland. The author believes that a single

individual and collective image of the Motherland does not exist, but because the scientific research of its formation, transmission, broadcast and sacralization should be interdisciplinary. From the point of view of the author of the intellectual position of the postmodernists are not able to give an answer to a number of issues of our time, but because of the refusal of the classical theories of science of the twentieth century is premature, as an attempt to formation of different, qualitatively distinct and different from the materialistic view of the world.

Key words: *image of the Motherland, theory, a school, a scientific concept, of the twentieth century.*

Еще в начале XX века русским обществоведом П. Струве особенно подчеркивалась государственная необходимость пристального внимания к вопросам сакрализации образа Родины как элемента культурной жизни нации, ибо, по – П. Струве, «нация есть прежде всего культурная индивидуальность, а самое государство является важным деятелем в образовании нации, поскольку оно есть культурная сила. В основе нации всегда лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния». Для плодотворного сосуществования личности и государства основой их соединения должна выступать духовная составляющая, детерминирующая роль которой объясняется через неискоренимую потребность человека, состоящую в необходимости личности выходить «... из сферы ограниченного, личного существования и приобщается к более широкому, сверхиндивидуальному бытию» [19, с. 99–107].

В этом смысле весьма актуальной в современной научной дискуссии становится тема осмысления образа Родины на всех уровнях социальной организации, а также поиска универсальных основ выстраивания диалога государств, культур, этносов (групп, сообществ), индивидов [8].

Методологической базой для научного исследования, указанного в названии статьи, феномена выступают, прежде всего, концепции и теории XX века: это различные школы психологии, научной прогностики и футурологии, концепции глобалистики, имиджологии и НЛП.

В психологических концепциях бихевиоризма, гештальт-теории, теорий группового поведения и социализации образ Родины

опосредован универсальными, научно постигаемыми законами: психики индивида, бытия социальной группы и закономерностями группового поведения. Так, психофизиологическая концепция И. Павлова, определяет бытие индивидуального образа Родины лишь рамками рефлекторного акта. Образы здесь выступают первыми, регулирующими реальность сигналами (рисунок 1).

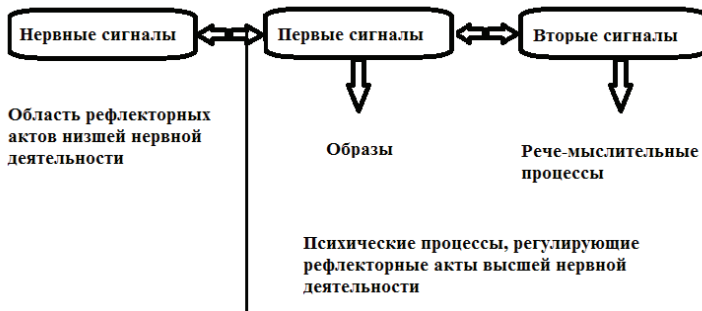

Рис 1. Образы в иерархической концепции уровней сигналов И. П. Павлова [5]

Как отмечает исследователь Л. М. Веккер, у И. П. Павлова «на первом подуровне высшей нервной деятельности сигнальную функцию несут образы – первичные и вторичные (ощущения, восприятия и представления), а на втором подуровне – речемыслительные процессы» [5]. В этом смысле индивидуальный образ Родины выступает частным случаем первичных сигналов высшей нервной деятельности.

Особый интерес в отношении образа Родины на индивидуальном уровне представляют и концепции советской деятельностной школы психологии, а также известная теория гештальтов. Остановимся на них более подробно, поскольку *они диаметрально противоположны в своей интерпретации формирования индивидуального образа.*

Школа советской психологии представлена именами известных ученых Б. Г. Ананьева, П. К. Анохина, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Л. С. Выготского, Д. Н. Узнадзе и др. Наиболее четко позиция советских психологов по данной теме отражена в коллективном труде ученых Института психологии

Академии наук СССР Н. Д. Заваловой, Б. Ф. Ломова и В. А. Пономаренко, где образ трактуется как «отражение какого – либо объекта, предмета или события» [10, с. 9].

Советскими учеными подчеркивается, что образ не выступает моментальной «фотографией» действительности, поскольку он, хотя и отражает объективную реальность, в то же время глубоко субъективен, так как «образ формируется на базе опыта, который накопил человек, в той или иной мере ассимилируя этот опыт, что особенно отчетливо выражается в случаях, когда речь идет об образах, связанных с жизненно значимой для человека деятельностью» [10, с. 11].

Авторы монографии отмечают, что формирование образа – сложный трехуровневый процесс, включающий в себя этапы сенсорно-перцептивный, представлений, вербально-логический. Существенной стороной такого процесса выступает также и тот факт, что «при переходе от ощущения и восприятия к представлению изменяется структура образа – объекта: одни его признаки как бы подчеркиваются, усиливаются, другие редуцируются. Иначе говоря, происходит схематизация предметного образа» [10, с. 14].

Наиболее интересным для нас выступает небольшое замечание в данной работе о том, что «при переходе от восприятия к представлению происходит преобразование сукцессивного перцептивного процесса в *симультанный образ*. То, что человек воспринимал последовательно, трансформируется в одновременную целостную умственную картину» [10, с. 14]. Пока схематизация не произошла, мы имеем дело с уникальным психическим феноменом, это и есть тот самый *образ, который пока не осознается окончательно, но уже существует в психике как единое целое*. Отметим, что по результатам авторских эмпирических исследований именно так описывается образ Родины многими респондентами, которые признаются, что он сложен из мыслительных картинок, а не из рассуждений.

Другим влиятельным научным направлением XX в., имеющим прямое отношение к образу, выступает известная школа гештальт-психологии» [9, с. 21–85]. Гештальт (нем. «gestalt» – форма, образ, структура) – пространственно-наглядная форма воспринимаемых предметов, чьи существенные свойства нельзя понять путем суммирования свойств их частей. К. Дункер

так поясняет суть феномена: «Если сходство двух явлений (или физиологических процессов) обусловлено числом идентичных элементов и пропорционально ему, то мы имеем дело с суммами. Если корреляция между числом идентичных элементов и степенью сходства отсутствует, а сходство обусловлено функциональными структурами двух целостных явлений как таковых, то мы имеем гештальт». Однако отметим, что школа гештальт-психологии, в целом, сконцентрировала свое внимание только на процессах восприятия.

Теоретики школы выделили основные свойства восприятия: часть того, что мы воспринимаем отчетливо, – фигура, часть того, что уходит на периферию, – фон; описали константность восприятия – образ не меняется при изменении его сенсорных элементов; сформулировали принципы восприятия: близость (расположенные рядом – воспринимаются вместе), смежность (схожие по размеру, форме, цвету – воспринимаются вместе), целостность (тенденция к упрощению и целостности), замкнутость (тенденция восприятия к довершению), смежность (восприятие одно через другое), общая зона (восприятие повседневного идет наравне с прошлым опытом и научением), транспозитивность (образ остается, даже если части трансформируются), закон «хорошего гештальта» (почти прямой угол видится как прямой), выделение фигуры из фона, эффект обратимости фигуры. Гештальт-теоретики сформулировали формулу гештальта: Константа + фигура + фон = гештальт, т. е. качество формы.

Необходимо уточнить, что учитывая вклад указанной теории в психологию, весьма очевидна сфокусированность гештальт-теоретиков именно на структуре психических процессов, которая дана в теории в отрыве от ее физиологического механизма и, что самое главное, от объекта, который и определяет ее содержание. Как критически верно замечает в отношении гештальт-подхода известный психолог Л. Веккер, «...модель психической структуры не может быть построена без учета материала по тем же причинам и логическим основаниям, по которым нельзя построить здание из стилия или сшить платье из фасона» [5].

Кроме того, при всей популярности самого направления, в рамках данной концепции исследователи исходили из изучения восприятия как чистого феномена сознания: образ всецело здесь опосредован внешней средой, вне учета когнитивной дея-

тельности личности, вне способности личности к воображению, представлению, абстракции и иным операциям, т. е. по существу здесь представлен лишь начальный этап формирования образа (например, Родины), который сводим к сенсорно-перцептивной области.

В этом смысле совершенно справедливой, с точки зрения автора, звучит мысль советских психологов о том, что деятельностный подход в анализе образа «четко противопоставляется упрощенным бихевиористским схемам», кроме того, такой подход «исключает возможность описывать и проектировать человеческую деятельность просто как последовательность реакций на последовательность стимулов», поскольку органично связан с анализом ее психического содержания [10, с. 5].

Отметим также иные научные направления XX века, имеющие отношение к тематике статьи.

В научной школе прогностики исходной универсалией выступает модель возможного будущего, которая и определяет соответствующий образ Родины как на микро-, так и на макроуровне. Разумеется, образ Родины в такой проекции глобален, поскольку будущее, так или иначе, объединяет масштабные общности людей, соответственно образ Родины здесь выступает частным случаем будущего [1; 2; 3].

Схожая универсальная теоретическая платформа объединяет и научные поиски представителей глобалистики. Глобальное мировидение, близкое по духу космополитизму, не нуждается в формулировке основ образа Родины, поскольку такой феномен хоть и существует, однако представляется архаичным, уходящим в прошлое, на смену ему приходит реальность настоящего – время информационных технологий, омасовленной культуры и общества сетевых структур [6; 11; 12; 13; 14; 15; 17; 23; 25].

Заметим, что одной из первых таких концепций, по нашему мнению, выступает теория научно-технической цивилизации, сформулированная еще в середине XX века в работе «Человек в научной цивилизации» (1961) социологом Г. Шельски, которого обычно причисляют к консервативному направлению. Основная мысль теории заключается в том, что государство как феномен исчерпает себя и прекратит свое существование, поскольку на смену ему идет техника [20]. Образ Родины в любом обществе становится ненужным из-за увеличивающегося могущества

власти техники и возникающего на этом фоне образа технического государства, где идеологии попросту не будет.

Концепции имиджологии и НЛП XX века сконцентрированы, в основном, на создании позитивного имиджа государств, партий и их лидеров на внутренней и международной политической арене, что имеет прямое отношение к образу Родины, транслируемому на уровне государства. В этом смысле интерес для изучения представляют образы Родины, сформулированные в рамках политических программ партий.

Наконец, выделим группу теоретических позиций, которые, собственно, вообще отрицают какой бы то ни было образ Родины.

Современные теории постмодерна представляют собой весьма сложное поле разнообразных концепций, интерпретирующих современность. Описание бытия образа Родины в таких концепциях неизменно сталкивается с противоречиями как его наличия, так и отсутствия (номада), невозможности концентрации его элементов по причине отсутствия центра и самой структуры такого образа (ризомы) [16].

Современная наука, стремящаяся идти в ногу со временем и отказывающаяся зачастую от прежних научных платформ, тем не менее, констатирует: «Попытки после отказа от марксистской методологии, марксистских принципов осмысления социальной реальности, исследовать ее преимущественно немарксистским западноевропейским понятийно-категориальным инструментарием, приводят к тому, что мы чувствуем запутанность ситуации, не видим ясной картины происходящих событий» [18].

Особенность современности заключается в ее мозаичности, для которой сложно установить какую бы то ни было научную закономерность. Это прямо отражается в констатации исследователями факта отсутствия необходимого теоретического инструментария, когда мы «стоим перед проблемой адекватного выражения этой специфики точными научно-понятийными средствами». При этом такая ситуация характерна для большинства стран мира, когда «многие рефлексующие национальные социологические сообщества оказываются перед такого же рода задачами. Вместе с тем каждое из этих сообществ – перед специфической» [18, с. 6–11].

В этой связи автор подчеркнет, что не следует по пути тех своих коллег, которые ясно указали свои методологические позиции

в рамках игры в интерпретацию наблюдений за изменениями социальной реальности. Автор убежден, что перед объективным исследователем стоит задача дать свое видение феномена, «избегая крайностей материализма и идеализма, капитализма и социализма, фашизма, монархизма и чего-то еще в этом же духе» [18], при этом важнейшим предусловием создания любых теорий и сегодня является наличие серьезной фундаментальной базы.

Завершая краткий обзор научных концепций западной мысли XX века в рамках проблематики образа Родины, отметим, что вряд ли верным и научно обоснованным будет утверждение (во всяком случае, на современном этапе) о реально существующем образе единой глобальной Родины. Выделим поэтому дополнительно лишь некоторые идеи социально-гуманитарного знания, которые косвенно комментируют и реже интерпретируют проблематику феномена образа Родины:

– в классическом фрейдизме образ Родины трактуется как атрибут детского Эдипова комплекса, как необходимость феномена «всеобщего Отца», по отношению к которому даже у взрослых людей сохраняется двойственное отношение (подражание и «уничтожение»). В неопрейдизме подчеркиваются иные аспекты бытия образа Родины, данные в коллективном бессознательном и архетипах (К. Юнг), в неискоренимости невротизации (К. Хорни), в механизме «бегства от себя» (Э. Фромм). Последний описывал даже крайние формы агрессивности индивидуального образа Родины в работе «Адольф Гитлер. Паталогия некрофилии».

Интересно, что в конце XX века многие из таких феноменов воспринимаются диаметрально по-другому в рамках теорий психологического феминизма (например, в концепции материнства Н. Ходоров [24]);

– идеи сведения образа Родины к более частным психическим и духовным процессам. Например, в работах некоторых экзистенциалистов (К. Ясперс, Э. Босс, А. Кожев) содержатся мысли о том, что сам человеческий выбор вариантов поведения может предшествовать формированию любого образа. Следовательно, образ Родины, по их мнению, возникает как своеобразный «заслон от выбора», как попытка поверить во что-то абстрактное, чтобы не думать самостоятельно и не совещать таких выборов;

– расовые теории «искусственного отбора» в рамках социал-дарвинизма (Г. Горбигер, О. Амон, Ж. В. де Ляпуж, Ч. Гобино, Р. Чемберлен) [4; 7; 21]. Базовая для них концепция «вечного льда» настаивает на том, что образ Родины действителен лишь для «полноценных этносов» (немцы, народы Тибета, японцы, в меньшей степени – итальянцы и испанцы), чувствительных к мистическому излучению «вечного льда», который присутствует в центрах массивных космических тел (прежде всего, Луны, Венеры и Солнца). Для неполноценных же этносов образ Родины есть просто мифологема для борьбы с арийцами;

– в рамках философского конструктивизма и позитивизма тематика образа Родины встречается редко и трактуется просто как романтические мифологемы, выражающие системное качество социальных ролей;

– в семантической интеллектуальной традиции, в онтопсихологии и онтофилософии образ Родины дан в свойстве родного языка сопротивляться проникновению инородной культуры, хотя сам такой образ есть «мифообразующий механизм» (Ю. Лотман, У. ван Дэйк, Г. Шпет, Т. Дридзе);

– в «технологической коммуникологии» (Н. Винер, Р. Якобсон, П. Верильо) образ Родины может пониматься как особый кластер стабильных информационных сообщений;

– в работах Б. Чичерина, Э. Левинаса, современной теории психоанализа разрабатывается «цивилизационная парадигма» П. Сорокина, в рамках которой образ Родины есть характеристика глобальной раздробленности человечества, которая должна быть преодолена через развитие либеральных ценностей; примерно такую же трактовку можно найти и у философов Римского клуба (А. Печчеи);

– в логическом позитивизме (К. Поппер, философы Венской школы) подчеркивается принципиальная неформализуемость понятия образа Родины чисто научными методами, поскольку в нем не содержится самоотрицания, оно не поддается самофальсификации.

В целом же, по представлениям автора, невзирая на заметные методологические отличия таких доктрин, все они постулируют коренное противоречие коллективного и индивидуального образа Родины при редких и весьма фрагментарных описаниях их возможного согласования (в пограничных ситуациях или в гипо-

тетическом будущем «справедливом обществе»). Ведь и конец XX века, а также и начало третьего тысячелетия так и не продемонстрировали единой Родины как масштабного пространства даже при учете нарастающих тенденций глобализации, на фоне которой лишь ярко наблюдается их все более отчетливо проявляющаяся дихотомия.

Литература:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 1999. – 956 с.
2. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 304 с.
3. Бестужев-Лада И. В. Третья и четвертая мировые войны: ход и ожидаемый исход. – М.: Инс-т экономических стратегий, 2005. – 57 с.
4. Бержье Ж., Повель Л. Утро магов. Посвящение в фантастический реализм / пер.с франц. – Киев : София, 1994. – 480 с.
5. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. Глава 3. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.
6. Глюксман А. Европа должна воссоединиться: интервью Radio Free Europe / Radio Liberty, США, 13 октября 2005 [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.belintellectuals.eu/library/book.php?id=216> (дата обращения 03.08. 2012).
7. Гобино Ж. Эссе о неравенстве человеческих рас / Ж. А. Гобино. – М. : Олма-Пресс, 2000. – 756 с.
8. Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные лихачевские научные чтения, 17–18 мая 2012 г. – Т. 1 : Доклады. [Электронный ресурс] URL. – Режим доступа : <http://www.lihachev.ru/chten> (дата обращения 03.08.2012).
9. Дункер К. Качественное (экспериментальное и теоретическое) исследование продуктивного мышления // Психология мышления. – М., 1965. – С. 21–85.
10. Завалова Н. В., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Образ в системе психической регуляции деятельности / отв. ред. доктор психологических наук проф. Ю. М. Забродин. – М. : Наука, 1986. – 110 с.
11. Кастеллс М. Становление общества сетевых структур // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – С. 492–505.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
13. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. – М.: Прогресс-Пангея, 1991. – 344 с.

14. Май А. В. Модели господствующей идеологии. – Иерусалим: The Harry S. Truman Research Institute, the Hebrew University of Jerusalem, 1997. – 384 с.

15. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с фр. – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. – 480 с.

16. Новейший философский словарь. Постмодернизм / Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 816 с.

17. Росалес Х. М. Воспитание гражданской идентичности. Об отношениях между национализмом и патриотизмом // Полис. – 1999. – № 6. – С. 93–104.

18. Социология и реальность (круглый стол) // Социологические исследования. – 1996. – № 9–10.

19. Струве П. Б. Patriotica: политика, культура, религия, социализм. Сб. ст. за 5 лет 1905–1910 гг. – СПб.: изд. Д. Е. Жуковского, 1911. – 627 с.

20. Тавризян Г. М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». – М.: Российская Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 216 с.

21. Тагиефф П.-А. Цвет и кровь: Французские теории расизма / пер. с фр. А. А. Славохотова; вступ. статья и примеч. Н. В. Лепетухина. – М.: Ладомир, 2009. – 238 с.

22. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: Издательство АСТ, 2002. – 776 с.

23. Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 84–118.

24. Chodorow N. The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. – Berkeley: Univ. of California Press, 1999. – 263 p.

25. Wallerstein I. After Liberalism. – N.Y. The New Press, 1995. – 278 p.